

Не лежащий в своей могиле

Литература и власть

Философ и аналитик, литературовед-структуралист **Альфред Николаевич Барков**, исследуя структуру «Гамлета», обнаружил, что это произведение построено как **мениппея** (роль рассказчика отдана отрицательному персонажу, который с целью обелить себя извращает имевшие место в действительности события и факты) и что в тексте этого произведения дан ответ и на вопрос, кто скрывался под псевдонимом «Шекспир». Тайна шекспировского авторства оказалась тесно связанной с политической ситуацией и безопасностью страны. Мы предлагаем читателю продолжение интервью, которое взял у А. Баркова наш корреспондент **Владимир КОЗАРОВЕЦКИЙ**.

От имени Шекспира

В.К.: ...Так, значит, это все-таки Горацио — рассказчик в «Гамлете», повествующий «от имени» Шекспира! Да он еще и драматург!

А.Б.: Вот это и есть самый сложный и наиболее трудно постигаемый ход в «Гамлете». Гамлет и Горацио — соперники еще и в этом: Гамлет создает и ставит пьесу, которую называет «Мышеловкой», а Горацио использует эту пьесу для своего коллажа под названием «Гамлет», якобы написанного Шекспиром. Но поскольку стихом он не владеет, все стыки он «заделывает» прозой, искусно маскируя информацию, которая могла бы его выдать. Например, он не приводит текст письма, в котором шла речь об убийстве Гамлета в Англии и которое Гамлет передал ему по возвращении. Или, описывая в прозе свою беседу с Гамлетом, он искусно привертывает стихотворный кусок текста из вымышленной фавулы «Мышеловки», где Гамлет его расхваливает, причем делает это так ловко, что читающее человечество до сих пор верит тому, что Горацио — друг Гамлета.

В.К.: Как же нам следует понимать «Гамлета» в целом? Как бы вы передали содержание этой... этого произведения? Я ловлю себя на том, что уже и не могу назвать «Гамлета» пьесой!

А.Б.: Неудивительно: «Гамлет» — не стихотворная пьеса, а прозаический **роман-мениппея**. Основное повествование в «Гамлете» — о том, что в Эльсиноре идет постановка пьесы, построенной на «местном материале», но с несколькими измененными биографическими данными персонажей. В частности, тридцатилетний «реальный» обитатель Эльсинора принц Гамлет, сын погибшего за тридцать лет до этого короля Фортинбраса, в фавуле созданной им «Мышеловки» показал себя самого как двадцатилетнего сына якобы отравленного короля Гамлета. Которого на самом деле никто и не думал травить — этот спившийся братоубийца и «сейчас» все еще жив. (Кстати, в «живом» виде он появляется всего один раз, среди зрителей «Мышеловки».) А Король Клавдий — персонаж только «Мышеловки», созданный принцем Гамлетом художественный образ, и в «реальной жизни» его просто нет. Кстати, если в переводном тексте «Гамлета» или даже в академических «подлинниках» встретите в сценических ремарках имя «Клавдий», не верьте написанному: в прижизненных изданиях Шекспир ставил просто «Король». А ремарки с «Клавдием» — плоды изысков английской «академической» науки, которая не стесняется «подправлять» самого Шекспира. Поэтому и наше, и мировое шекспироведение зачастую пользуется искаженными текстами «Гамлета» и ошибочным канонизированным толкованием его содержания.

В.К.: А какова же «реальная» судьба Офелии, самого Гамлета и королевы?

А.Б.: Если не выходить за рамки фавулы, то в «реальной жизни» Офелия действительно не сохранила верность Гамлету, но вряд ли погибла, поскольку сцена с похоронами имеет место только во вставной «Мышеловке», а беседа Гамлета с могильщиком — **через три года** после ее постановки. Королева осталась жива, а Гамлет не погибает, но странным образом «пропадает»: его считают мертвым, но он скрывается под чужой личиной («не лежит в своей могиле»).

Не лежащий в своей могиле

В.К.: Ну что ж, наверно, при таком подходе действительно снимаются все «противоречия» и объясняются все «странности» в «Гамлете». Но зачем все это?! Зачем было городить такую сложную структуру и прятать правду об истинном сюжете происходившего, когда вполне можно было бы и на всех реалиях «событий в Эльсиноре» выстроить хорошую драму? Или задача Шекспира была не столько описать «события в Эльсиноре», сколько написать сатиру на некоего драматурга, своего антагониста?

А.Б.: Чуть забегаю вперед, скажу, зачем. В фавуле «Гамлета» показана сама «королева-девственница», из-за чего публикация «Гамлета» (не путать с **регистрацией**!) стала возможной только после смерти Елизаветы в 1603 году и восхождения на трон ее племянника — «Фортинбраса» — короля Шотландии Якова, сына казненной Елизаветы ее кузины Марии Стюарт. В образе Гамлета — сына королевы — изображен сам Шекспир.

Продолжение. Начало в № 211.



Кристофер Марло: Шекспир, и сегодня не лежащий в своей могиле.

Все это имело прямое отношение к английскому трону и, следовательно, к политике, не все можно было сказать вслух, и особенно то, что имело отношение лично к Шекспиру. Тем не менее в «Гамлете» есть практически прямое указание на то, кто именно был Шекспиром...

В.К.: ??!

А.Б.: Все в той же сцене с могильщиком тот, играя словом last, замечает: «Труп обычного человека «протянет» восемь лет, а дубильщика кож «протянет» девять.» Могильщик ведет речь о **таннере**, дубильщике кож, который после своей смерти «протянет» в могиле еще девять лет. Но он же далее, играя словом lie («лежать» и «лгать»), бросает: «Вы ляжете/лежите, не в этой могиле, сэр, поэтому она не ваша; что же касается меня, я не лежу/не лгу в ней, и все же она моя».

Уж не этот ли могильщик с университетским образованием является тем самым «таннером», который девять лет не лежит в своей могиле? Но главное здесь — пока — даже не это. В этой сцене заложено противоречие, на которое почему-то не обращали внимания и которое подталкивает нас к неожиданному выводу. Беседа происходит между двумя людьми, каждый из которых когда-то знал человека, чей череп они держат в руках. Каждый из них общался с Иориком в одно и то же время на королевских застольях в Эльсиноре (где еще шут станет выливать кому-то на голову кувшин вина?), и они не могут не быть знакомы. И тем не менее они ведут себя так, будто у них даже повода нет задать вопрос: «Простите, а мы с вами случайно не?..» Такое возможно, только если они — две половинки одного и того же персонажа. Надо сказать, что до относительно недавнего времени **по традиции, идущей от шекспировских времен**, в постановках «Гамлета» **могильщик**, прежде чем приступить за работу, **снял с себя несколько ступок**, как бы показывая, что его персонаж выступает в разных личностях. Так Шекспир подводит нас к пониманию, что Гамлет и могильщик — одно и то же лицо и что его мениппея имеет выход в реальную действительность.

В.К.: Тогда почему «таннер»? И почему девять лет? Какое это имеет отношение к реальной действительности?

А.Б.: Текст «Гамлета» был зарегистрирован в 1602 году; вычитаем 9 лет, прожитых «таннером» после своей смерти, и получаем 1593.

30 мая 1593 года трагически погиб гениальный поэт и драматург Кристофер Марло, один из 5 главных претендентов на авторство шекспировских произведений. **Смерть Марло** не без оснований **считалась сфальсифицированной**. И современники, и — впоследствии — исследователи его творчества **звали его «таннером»**: он считался сыном сапожника.

В.К.: Альфред Николаевич, не может ли это быть простым совпадением?

А.Б.: В этой фразе — не одно, а **три** совпадения. Совпадает сам факт того, что Марло «не лежит в своей могиле» (а «марловианцы» собрали весьма внушительные доказательства того, что Марло на самом деле не был убит и что его смерть была инсценирована), совпадает количество лет, которое прошло с тех пор, как он «не лег в свою могилу», и совпадает прозвище Кристофера Марло — «таннер». Не слишком ли много совпадений? Тем не менее я сам себе показался бы излишне категоричным, если бы на основании только этих — даже таких — совпадений сделал вывод, что Шекспиром был именно Марло.

усте» направлена против хулителей католической церкви. Легко представить, чем бы кончилась для Марло попытка высказать вслух то, что ему удалось таким способом передать в «Докторе Фаусте»: одним из пунктов доноса, по которому его ждала неминуемая смерть, было открытое выражение **симпатии к католицизму**. Таким образом «Доктор Фауст» для «марловианцев» превращается из минуса в плюс.

В.К.: А что в «Мальтийском еврее»?

А.Б.: Если исходить из общепринятого прочтения «Мальтийского еврея», антисемитизм Марло не вызывает сомнения. Однако в общем метасюжете этого произведения имеет место апология Вараввы, который свою дочь, принявшую христианство, не убивал и монахинь не травил; все преступления совершил маскирующийся рассказчик. «Венецианский купец» Шекспира не просто схож по фавуле с «Мальтийским евреем» — у них, как у мениппей, совершенно аналогичная конструкция: **Шейлок** — вовсе не злодей, каким его выводит рассказчик, он **жесткая оговорка со стороны мерзавца-рассказчика**.

Таким образом, из сравнительного анализа названных произведений следует:

1) эти произведения, увидевшие свет под именами Кристофера Марло и Уильяма Шекспира, созданы одним человеком;

2) их автор — Кристофер Марло;

3) **в 1602 году**, на момент регистрации «Гамлета», **Марло был еще жив**.

В.К.: Похоже, что вся совокупность ваших аргументов не оставляет места для возражений, хотя мне в таком случае и непонятно, какую роль в истории шекспировского псевдонима сыграла чета Рэтлендов. До знакомства с вашими взглядами я был убежден, что именно И. Гиллиову в «Тайне Великого Феникса» удалось «расшифровать» Шекспира.

А.Б.: О Рэтлендах, если у нас остаются «время и место», мы еще поговорим. В дальнейшем я буду опираться на данные, собранные и опубликованные не только «марловианцами», но и «бэконянами» и «рэтлендианцами», ибо и те, и другие, и третьи нашли убедительные доказательства причастности своих кандидатов к псевдониму «Шекспир»; но главным в этом несомненно **коллективном псевдониме** был все-таки Кристофер Марло, который, так же, как и Фрэнсис Бэкон, был... **сыном королевы Елизаветы**.

В.К.: Что, есть «прямые улики»?

А.Б.: Ну, если бы были «прямые улики», не было бы и предмета для нашего разговора. А вот косвенных улик более чем достаточно, причем по ним очень хорошо видно, что прямых и быть не могло, настолько тщательно они уничтожались; это проливает свет и на строгость сохранения тайны псевдонима «Шекспир» — на государственный уровень. Стоило просочиться любым крохам информации о ней, как Тайный Совет мгновенно наказывал виновного, вплоть до тюрьмы и смерти, и на то были весьма серьезные причины.

Елизавета была дочерью Анны Болейн и — формально — дочерью Генриха VIII, хотя на самом деле он не был ее отцом, поскольку все его дети, и до Елизаветы, и после нее, в отличие от нее страдали врожденным сифилисом (Генрих VIII женился на Анне Болейн, когда та уже ждала ребенка). Взойдя на престол в 1558 году, она стала усиленно укреплять позиции протестантизма в стране, чем навлекла на себя гнев папского престола и большинства монархий Европы, до самой ее смерти интриговавших против нее. Она не преследовала католиков и принимала их на службу, чем добила спокойствия в стране. Чтобы не повторить ошибку своей предшественницы, Марии Тюдор, озвучившей имя своего наследника (лишблюд мгновенно переметнулся к Елизавете), Елизавета до конца жизни так и не назвала своего преемника. На требование парламента выйти замуж и родить наследника она заявила, что замужем за Англией и останется королевой-девственницей. При этом она полюбила — на всю жизнь, вплоть до его смерти в 1588 году — Роберта Далли, графа Лестера, якобы тайно обвенчалась с ним и родила от него несколько детей. По некоторым данным от разных отцов у нее было пятеро детей, из них одна или две девочки; сохранился портрет, где Елизавета изображена в характерной для беременной женщины одежде, есть портрет, где она изображена с ребенком, и портрет, где рядом с ней двое детей.

По всей стране снимались католические изображения Девы Марии и заменялись портретами Елизаветы, на которых черты лица изображались в соответствии с официально канонизированной маской. При такой канонизации целомудренный имидж королевы необходимо было надежно защитить от любых случайностей — тем более что папский престол настаивал на нелегитимности брака Генриха VIII с Анной Болейн и подвергал сомнению (и не без оснований) его отцовство по отношению к Елизавете; **Тайный Совет тщательно следил за тем, чтобы имидж королевы-девственницы не был подпорчен**.

Тайный сын королевы-девственницы

В.К.: Неужели возможно было сохранить рождение нескольких детей в тайне?

А.Б.: В узком кругу утаить это было

невозможно, но это было и неважно. Задача Тайного Совета заключалась в том, чтобы не допустить утечки информации в прессу и за границу: любые улики уничтожались, свидетели держали рот на замке, опасаясь тюрьмы или казни за добытые под пытками признания в преступлениях. Все ее дети регистрировались под чужими именами и фактически не могли претендовать на престол. На примере Кристофера Марло можно представить себе, как происходила такая регистрация.

В донесении своему монарху 11 апреля 1564 года посол Испании при английском дворе докладывал, что королева Елизавета выезжает в Уорвик (замок Далли), чтобы «разрешиться от последствий неблагоприятного поведения». По современному календарю рождение ребенка имело место **в конце апреля**, а не в конце февраля, как задокументировано рождение Марло. (Кстати, Уорвик расположен на берегу Эйвона, того самого, на котором стоит и Стратфорд; отсюда и «Эйвонский лебедь» посвящения Бена Джонсона в шекспировском Большом фолио.) В этом же году Роберт Далли был возведен в графское достоинство, а его шурин Генри Сидни стал кавалером Ордена Подвязки.

В.К.: Это был первый ребенок Елизаветы?

А.Б.: Нет, к этому времени у Марло могло быть уже по крайней мере два брата: один из них, старше на 10 лет, сын от тайной связи Елизаветы с королем Испании Филиппом II, и второй — на три года старше — Фрэнсис Бэкон, в регистрации рождения которого тоже обнаружено немало «странностей».

Для регистрации тайнорожденного нужен был ребенок, родившийся примерно в то же время и вскоре умерший; необходимо было, чтобы его рождение зарегистрировали, а смерть — не успели. Нужно было уговорить родителей ребенка отказаться от регистрации смерти или захоронить его в другом приходе, где у королевы был «свой» священник. Для этой цели лучше всего подходил Мэтью Паркер, член Тайного Совета и высший духовный иерарх Англии. Анна Болейн, став королевой, сделала его своим личным капелланом, при Марии Тюдор он был в опале и лишен должности главы колледжа «Корпус-Кристи», Елизавета вновь возвысила его и сделала архиепископом Кентерберийским.

В Кентербери и нашлась метрическая запись от 26 февраля 1564 года, использованная для документирования новорожденного ребенка королевы. Отец умершего ребенка Джон Марло получил значительную денежную компенсацию, стал членом Гильдии сапожников на два с половиной года раньше положенного срока и пожалован званием «фримена», а судья Адмиралтейского суда в Дувре сэр Ролджер Мэнвуд стал попечителем новорожденного. Запись же о смерти ребенка Джона Марло скорее всего была сделана в церкви Св. Стефана на территории имени Мэнвуда; не случайно сохранившиеся записи о регистрации крещений, венчаний и смертей в этой церкви датируются лишь с 1567 года.

В 1563 году, когда Марло был уже зачат, королева Елизавета пожаловала Мэнвуду огромное имение; позже она объявила его лучшим судьей королевства и наградила массивной золотой цепью (что было беспрецедентно), пожаловала рыцарским титулом и назначила Главным лордом Казначейства.

Если бы мы принимали всерьез происхождение Марло как «таннера», сына сапожника, у нас возникло бы множество и других вопросов, на которые в этом случае невозможно было бы ответить. Почему Мэнвуд оплачивал учебу сына сапожника Марло? И почему оплачивал из средств, выделенных архиепископом Паркером? И как сын сапожника попал в привилегированную Королевскую школу на 50 мест, куда стремились поместить своих детей самые знатные и состоятельные люди графства? И как он туда попал в 14 лет? И почему, проучившись всего год, поступил в университет? И где он учился до этого и набрал тот объем знаний, который необходим для поступления? (Между прочим: Паркер собрал в своем имении уникальную библиотеку, каких было лишь несколько во всей Англии.) И как Марло получил одну из трех стипендий Паркера? И почему сын архиепископа, Джонатан Паркер, уже после смерти своего отца оплачивал все шесть с половиной лет учебы Марло в Кембриджском университете (колледж «Корпус-Кристи»)? (Посетив имение Паркеров в 1578 году, после поступления Марло в Кембридж, Елизавета, обыгравшая отсутствие у жен священнослужителей мирских титулов, сделала вдове архиепископа комплимент: «Я не могу назвать вас «мадам», а сказать «миссис» — язык не поворачивается. И все равно я очень вам благодарна.») И почему, когда в 1587 году, по окончании университета (в 1584-м он получил степень бакалавра и продолжил учебу) ему откатали в присвоении магистерской степени на основании его частых отлучек, за него вступился Тайный Совет королевы, объяснявший, что его отлучки связаны с выполнением заданий на государственной службе? И почему письмо ректору с таким объяснением и словами о том, что королева будет недовольна любым ущемлением прав Марло, первыми подписали архиепископ Кентерберийский, лорд-канцлер и лорд-казначей королевы?

(Продолжение следует).